

4 ²⁵²/₆₀₂

71348-44

СТЕНОГРАФІЯ ВЪ РОССІИ.

Слово въ пользу и Габельсбергеро-
вой стенографіи.

Не посчастливилось у насъ, въ Россіи, систе-
мѣ Габельсбергера о стенографіи и руководству
по этой системѣ, изданному нижеподписавшим-
ся и докторомъ Цейбихомъ. Не посчастливи-
лось, впрочемъ, не въ публикѣ, а пока
еще только у рецензентовъ, считавшихъ
себя призванными сказать свое ученое слово
о двухъ появившихся у насъ въ печати сочи-
неніяхъ о стенографіи.

Предъ нами двѣ библиографическія статьи:
одна помѣщена въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 241,
другая—въ «Сѣверной Почтѣ», № 276.

Съ поразительнымъ единодушіемъ они отда-
ютъ предпочтеніе сочиненію гг. Паульсова и
Мессера предъ нашимъ посильнымъ трудомъ.

Въ былое время, когда у насъ вѣрили без-
условно въ печатное слово, когда публика,
въ полной увѣренности, что критическіе раз-
боры о предметахъ болѣе или менѣе ученыхъ,
болѣе или менѣе специальныхъ, писались одни-

Спб., 1865

ми учеными, одними специалистами, подчиняла мнѣніе свое таковымъ воззрѣніямъ — въ то время намъ пришлось бы и самимъ подчиниться этимъ воззрѣніямъ и отказаться отъ защиты труда, приговореннаго къ смерти и рецензентами и общественнымъ мнѣніемъ. Въ настоящее время вѣскольکو иначе: публика убѣдилась, что статьи ученыхъ, спеціальныя, пишутся *иногда* и неучеными, неспециалистами — не говоря уже о другихъ убѣжденіяхъ (скажемъ лучше предубѣжденіяхъ), которыя вкрались противъ насъ, пишущей братіи, и вслѣдствіе того критическіе разборы, если и читаются, то уже не считаются блѣже безусловнымъ, неопровержимымъ авторитетомъ. Напротивъ, опроверженія мнѣній, высказанныхъ критикою, въ настоящее время, не только возможны, но они принимаются публикою охотно, потому что разъясняютъ предметъ съ разныхъ сторонъ и даютъ возможность всякому сформировать свое окончательное мнѣніе на основаніи такихъ различныхъ воззрѣній; засимъ вѣрѣдко мнѣніе это обращается въ пользу того труда, того дѣянія, которые подверглись критикѣ. Можетъ-быть, на счастье наше и мы, съ руководствомъ нашимъ о русской стенографіи, выйдемъ изъ настоящей вѣсьменной борьбы — если не побѣдителями, то, по крайней мѣрѣ, съ правомъ существованія при другомъ трудѣ о томъ же предметѣ.

Оба анонимные наши критики положительно отдають предпочтеніе не только руководству гг. Паульсона и Мессера предъ нашимъ трудомъ, но и *всей системѣ* Шгольде предъ системою Габельсбергера.

Подобное рѣшеніе многозначенательно — и если оно, не встрѣчая никакого опроверженія, никакого поясненія, пускается печатно въ свѣтъ въ различныхъ органахъ нашей періодической прессы и разными личностями, хотя бы и анонимными и псевдонимными, то оно, естественнымъ образомъ, не можетъ не имѣть вліянія на мнѣніе публики, которая будетъ поставлена въ необходимость сформировать его на основаніи одностороннаго взгляда на дѣло. Въ предупрежденіе сего неправильнаго и, конечно, для насъ невыгоднаго положенія, мы считаемъ долгомъ нашимъ пояснить дѣло стенографіи съ другой точки зрѣнія и защитить, сколь возможно *sine ira et praedjudicio* — не только нашъ собственный трудъ, но и всю систему Габельсбергера, въ которой строгіе критики и противники наши не находятъ ни *последовательности*, ни *разумности* даже, которая, по увѣренію ихъ, лишена будущности появленіемъ системы Шгольде и можетъ найти *одно спасеніе въ слитіи съ своею соперницею, и тѣмъ совершенно исчезнуть*.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію мнѣнія нашихъ рецензентовъ, мы обязаны заявить русской публикѣ, еще мало знакомой съ дѣломъ и ходомъ развитія стенографіи, что предсказаніе гг. Паульсона и Мессера (предис. XIII) о спасательномъ исчезновеніи системы Габельсбергера предъ системою Шгольде *пока еще* не исполняется на самомъ дѣлѣ въ Европѣ; *напротивъ*, она постоянно, съ каждымъ годомъ распространяется, и въ 1864 году число послѣдователей этой системы увеличилось на 2,858 человекъ. Мы воздерживаемся указать

здѣсь какъ на неоспоримый фактъ на цифру *уменьшенія* въ томъ же году до 470 человекъ числа послѣдователей системы Штольце, на томъ основаніи, что цифры эти, конечно, признаются штольціанцами невѣрными и пристрастными, хотя они и позаимствованы изъ отчетовъ ихъ же центрального берлинскаго общества. Засимъ можемъ завѣрить, что противъ двухъ рецензентовъ нашихъ и гг. Паульсона и Мессера слишкомъ 13,000 лицъ, изучившихъ систему Габельсбергера, и слѣдовательно, специалистамъ въ этомъ дѣлѣ, признаютъ въ въ системѣ этой и послѣовательность, и разумность, и что, наконецъ, если исполнится требованіе, заявленное означенными господами о безусловномъ и только возможномъ у насъ, въ Россіи, введеніи одной штольцевой системы, отживающей въ общественномъ мнѣніи свой вѣкъ, даже въ Германіи — то это будетъ у насъ явленіемъ крайне оригинальнымъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію означенныхъ выше двухъ статей о стенографіи. Гг. критики отдають, какъ сказано, предпочтеніе не только руководству гг. Паульсона и Мессера предъ нашимъ руководствомъ, но и *системѣ Штольце предъ системою Габельсбергера*.

Чтобъ подчиниться подобному рѣшительному сужденію, чтобъ убѣдиться, какому авторитетомъ произнесенъ подобный приговоръ, мы предлагаемъ здѣсь, съ своей стороны, скромный вопросъ, который, вѣроятно, повторится серьезно и всею публикою:

«Господа критики специалисты ли въ дѣлѣ стенографіи, и изучили ли они предметъ этотъ въ совершенствѣ, чтобъ принять на себя отвѣт-

ственность и имѣть нравственное право *осудить*, не для себя однихъ, а въ поученіе публики, окончательно одну систему и дать предпочтеніе другой?»

Судить о системахъ какой бы то ни было науки, какого бы то ни было искусства — не дѣло вкуса, о которомъ не спорять, какъ говорили уже римляне. Судить о системахъ и отдавать предпочтеніе одной предъ другой возможно только по глубокомъ изученіи предмета, по внимательномъ разсмотрѣніи достоинствъ и недостатковъ каждой отдѣльной системы, по принятіи, наконецъ, въ соображеніе не однихъ сочиненій, говорящихъ въ пользу одной системы, но и сочиненій въ пользу другой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда условія эти не соблюдены, публика вправѣ не только не вѣрить критикамъ, но и еще болѣе укрѣпиться въ тѣхъ предубѣжденіяхъ, о которыхъ мы вмѣли честь заявить выше сего.

Вотъ какъ сами гг. анонимные критики отвѣчаютъ на вопросъ, скромный съ нашей стороны, строгій со стороны публики.

Въ № 241 «Русскаго Ивалида» авторъ статьи, безъ обиняковъ, сознается самъ въ невѣдѣніи своемъ въ стенографіи, говоря: «еслибъ я *вздумалъ учиться стенографіи, я смѣло взялъ бы стенографію гг. Паульсона и Мессера*» и т. д. Изъ этихъ словъ мы считаемъ себя вправѣ вывести заключеніе, что *до написанія* статьи своей, г. авторъ *не думалъ еще учиться стенографіи*.

Послѣ такого чистосердечнаго и наивнаго признанія, мы можемъ, съ нашей стороны, закончить опроверженія наши противъ

г-на сотрудника «Русскаго Инвалида», оставляя на его отвѣтственности, сколько онъ съ своей стороны можетъ считать себя призваннымъ, безъ изученія предмета, увѣрять публику:

«что стенографія гг. Паульсона и Мессера составлена тщательнѣе стенографіи г. Торнау; «что она представляетъ *всякую* возможность, безъ посторонняго руководителя, самому обучиться добпорядочно этой наукѣ;

«и, наконецъ, главное, «что *самая* метода Штольце *въ самомъ дѣлѣ* разумнѣе и удобнѣе методы Габельсбергера».

Г. сотрудникъ «Сѣверной Почты» поступилъ осторожнѣе: онъ самъ не сознается въ своемъ невѣдѣніи; а потому мы постараемся доказать ему и читающей публикѣ, что изъ статьи его невидно, чтобъ онъ обладалъ всѣми тѣми условіями, которыя необходимы, чтобъ предстать предъ публикою критикомъ и судьей въ дѣлѣ серьезномъ и, сколько смѣемъ думать, въ дѣлѣ относительно важномъ для будущей публичной дѣятельности нашей.

Начнемъ съ объявленія, что сознаемъ трудность въ журнальной статьѣ опровергнуть въ полной и должной подробности всѣ обвиненія и нареканія, съ легкостію брошенныя въ статьѣ «Сѣверной Почты» противъ многихъ предметовъ: и противъ системы Габельсбергера, и противъ руководства нашего, и противъ личностей нашихъ, равно какъ опровергнуть указанія на достоинства и превосходства какъ системы Штольце, такъ и руководства гг. Паульсона и Мессера. Въ особенности, относительно послѣднихъ предметовъ, мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми указаніями,

ми, потому что подробныя опроверженія противъ нихъ могутъ составить тѣму на цѣлую брошюру. Мы коснемся ихъ теперь на столько лишь, сколько необходимо для сравнительнаго указанія достоинствъ и превосходства нашей системы предъ системою Штольце и гг. Паульсона и Мессера, и притомъ *по тѣмъ именно предметамъ*, по которымъ авторъ статьи удостоилъ насъ обвиненія и нареканія.

Прежде всего укажемъ г. критику, что онъ безъ сомнѣнія неумышленно, смѣшиваетъ во всей своей статьѣ систему Штольце съ системою гг. Паульсона и Мессера. Послѣдніе больше всего претендуютъ на оригинальность, о чемъ и заявили въ своемъ предисловіи. Оригинальности они, и по нашему мнѣнію, достигли вполне. Они не могутъ считаться послѣдователями Штольце потому только, что оставили за собою изъ его системы одни бросающіяся въ глаза недостатки, какъ-то: а) правила *вокализации* означеніемъ гласныхъ чрезъ положеніе не отдѣльныхъ буквъ, а цѣлаго слова, причемъ, если въ словѣ нѣсколько слоговъ, то невсегда отыщется требуемая гласная; б) *уклоненіе* отъ письменной линіи, гдѣ цѣлыя слова (не значки) прогудиваются то вверхъ, то внизъ отъ линіи *) и в) безчисленное *множество значковъ*, требующее отъ стенографа, главнымъ образомъ, дѣятельности памяти, а не другой какой-либо способности. Точно также, мы полагаемъ, что

*) Такъ, для примѣра, возьмемъ фразу: «мимо двора мчится тройка»; ее слѣдуетъ писать такъ:

мимо	мчится
двора	тройка.

ни Штольце-отецъ, ни еще менѣе Штольцесынъ, не будутъ считать послѣдователями своими лицъ, объявившихъ, что они составили *свою собственную систему*, которая во многихъ отношеніяхъ и проще, и совершеннѣе своего первообраза (предисловіе стр. XIV) **). Какъ мы ни считаемъ несовершенною систему Штольце, въ особенности по практическому примѣненію, и какъ поэтому ни сочувствуемъ указанію самихъ гг. Паульсона и Мессера на несовершенства и недостатки этой системы (пред. XIV), мы, однако, изъ уваженія къ изобрѣтателю первообраза ихъ, полагаемъ, что всѣ формы знаковъ его, всѣ правила сочетанія ихъ между собою, всѣ правила сокращенія должны имѣть свои *raisons d'être*, свою рациональную послѣдовательность, свою логическую между собою связь; словомъ, что система Штольце есть дѣйствительная система, основанная на рациональныхъ, и нетолько филологическая Письменная линія неприкосновенна, а между тѣмъ означеніе оной, хотя бы точкою, въ концѣ фразы, необходимо, а то и самый бойкій отгадчикъ шарадъ не догадается, мимо ли двора или двери мчится тройка. Недостатокъ этотъ гг. Паульсонъ и Мессеръ, въ порывѣ служенія правдѣ, сами сознаютъ на стр. XIV своего предисловія, между тѣмъ какъ д-ръ Францъ Штольце находитъ и въ уклоненіи отъ линіи доказательства совершенства своей системы.

***) Въ этомъ случаѣ мы не предвѣщаемъ невозможнаго; участіе не бытъ признаннымъ штольцианцомъ подвергся г. Якоби, за его попытки измѣнить и исправить систему первообраза. *Zeitschrift für Stenographie*, I, 144.

ческихъ, но и философическихъ началахъ. Безъ этихъ послѣднихъ началъ никакая система, ни по какой отрасли умственной дѣятельности, не найдетъ сочувствія въ Европѣ, а въ особенности въ Германіи. Оставивъ за собою однѣ части системы и отвергнувъ другія, гг. Паульсонъ и Мессеръ лишили себя главнаго достоинства всякой системы: единства, логической послѣдовательности и рациональной связи основаній между собою. Выводъ этотъ ясенъ самъ по себѣ и можетъ быть приложенъ ко всякому подобному дѣйствию по всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности нашей, основаннымъ на принципахъ известной системы. Прямое же доказательство тому, въ отношеніи къ труду гг. Паульсона и Мессера, всякій мыслящій филологъ, при нѣкоторомъ лишь изученіи стенографіи, найдетъ въ руководствѣ ихъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они домогались исправлять свой первообразъ.

Мы должны были коснуться вообще сущности системъ и указать въ частности на неправильность основаній системы гг. Паульсона и Мессера собственно для того, чтобъ оправдаться въ взведенномъ на насъ г-мъ критикомъ нареканіи, будто бы руководство наше есть не что иное, какъ *простой переводъ съ немецкаго*, а сочиненіе почтенныхъ противниковъ нашихъ по стенографіи—есть *самостоятельный, добросовѣстный трудъ*.

Въ томъ, что сочиненіе гг. Паульсона и Мессера—трудъ *самостоятельный*, мы не только не споримъ, но сами представили тому доказательство; еще менѣе оспариваемъ мы то, что трудъ этотъ *добросовѣстный*—мы отдаемъ полную справедливость трудамъ ихъ и тщательно-

му изученію предмета, что можетъ быть вполне отъено нами, какъ свѣдущими въ стенографіи; спорить же съ ними будемъ не о степени добросовѣстности нашихъ трудовъ, но о достоинствахъ и о преимуществахъ ихъ системы надъ нашею. Отъ г. автора статьи «Сѣверной Почты», если онъ и свѣдущъ въ стенографіи, но неизучившаго вовсе нашего руководства, какъ это докажемъ ниже, мы вправѣ были ожидать, сколько бы онъ ни находилъ трудъ нашъ несовершеннымъ и недостаточнымъ, предложенія и къ намъ немалознаменательнаго эпитета: «добросовѣтный».

Въ противоположность гг. Паульсону и Мессеру, мы сознаемся, что не стремились вовсе къ достиженію оригинальности въ системѣ, что не домогались представленія самостоятельнаго національнаго труда по существующему уже искусству, и что не брали на себя исправленія системы существующей, усовершенствованной и укрѣпленной въ Европѣ въ теченіе 30-ти лѣтъ. Мы представили руководство о *примѣненіи* системы Габельсбергера къ русскому языку (предисловіе наше стр. IX), въ томъ убѣжденіи, что только этимъ путемъ мы можемъ дойти до введенія правильной, рациональной стенографической системы въ Россіи. Въ сущности, мы въ этомъ отношеніи *не расходимся* въ мнѣніи съ гг. Паульсономъ и Мессеромъ; и они считаютъ не только труднымъ, но и невозможнымъ создать вполне новую, вполне оригинальную стенографическую систему для русскаго языка; и они полагаютъ воспользоваться установившимся по стенографіи данными и примѣнить ихъ

въ особенностямъ русскаго языка (см. пред. ихъ, стр. III, и наше пред. VII, VIII и IX прим. и стр. 31 текста). Расходимся же мы съ ними въ томъ, что они находятъ возможнымъ, при примѣненіи нѣкоторыхъ началъ системы Штольца, дойти во всемъ трудѣ своемъ до самостоятельности, до оригинальности (пред. III, XIV); мы же сознаемся, что не претендуемъ на оригинальность, и говоримъ просто, что примѣняемъ систему Габельсбергера во всѣхъ научныхъ основаніяхъ ея къ русскому языку, находя опаснымъ даже измѣненіе первоначальныхъ главныхъ знаковъ азбуки, чтобы не нарушить стройности всей системы, которая не есть система случайная, произвольная, но система, установившаяся какъ плодъ долговѣчныхъ изысканій и соображеній (пред. IX прим.). Относительно же условныхъ знаковъ, и въ особенности относительно сокращеній по смыслу рѣчи, мы говоримъ о необходимости соображенія оныхъ съ духомъ, съ особенностями нашего языка, съ его грамматическими и синтактическими правилами. Доказательствомъ тому, что мы имѣли постоянно въ виду достиженіе этой цѣли служатъ цѣликомъ весь II и III отдѣлы нашего руководства, отъ стр. 15 до 40. На сколько мы въ этомъ успѣли, обсуждая лица, которымъ обсужденіе это будетъ доступно по изученіи нашей системы, а въ особенности оно докажется практическимъ примѣненіемъ на дѣлѣ всѣхъ выставленныхъ нами правилъ.

Указывая на сходство и различіе трудовъ нашихъ, подлежащихъ разбору автора статьи «Сѣверной Почты», мы считаемъ себя вправѣ

сказать, что еслибъ г. критикъ удостоилъ трудъ нашъ хотя нѣкотораго вниманія, то врядь ли бы изрекъ строгій приговоръ слѣдующаго содержания: «Учебникъ гг. Цейбиха и Торнау есть простой переводъ съ нѣмецкаго, безъ всякаго примѣненія къ русскому языку, несомнѣній даже слѣдовъ его изученія». Еслибъ онъ благоволилъ сказать, что мы дурно примѣнили систему Габельсбергера къ русскому языку, что изученія наши недостаточны, неправильны, и привелъ бы доказательства тому, то мы, въ свою очередь, постарались бы доказать ему, что онъ ошибается; но въ настоящемъ положеніи дѣла, когда г. критикъ отрицаетъ положительно существованіе 25 страницъ текста нашего, публика разрѣшить намъ не отвѣчать вовсе на подобное нареканіе и оцѣнить сама степенъ увлеченія автора статьи

При одинаковомъ съ гг. Паульсономъ и Мессеромъ возрѣніи на необходимость примѣненія одной изъ существующихъ системъ къ русскому языку, мы обязаны объяснить, почему именно, въ противоположность имъ, мы избрали не систему Шгольце, а систему Габельсбергера. Гг. Паульсонъ и Мессеръ въ руководствѣ своемъ представили доказательства, почему они избрали первую систему; мы постараемся оправдать нашъ выборъ отчасти словами самихъ противниковъ нашихъ, изложенными въ руководствѣ ихъ.

Въ системѣ Габельсбергера насъ поразило, главнымъ образомъ, то, что она не носитъ на себѣ печати исключительности для одного нѣмецкаго языка—фактъ, особенно проявляющійся въ системѣ Шгольце. Система Габельсбергера является,

потому, какъ бы достояніемъ общественнымъ, въ полномъ значеніи этого слова; она примѣнима ко всѣмъ языкамъ, съ сохраненіемъ всѣхъ основныхъ, научныхъ началъ, съ сохраненіемъ всѣхъ знаковъ своихъ и тѣмъ представляетъ удобство примѣненія, которое не можетъ не быть явственно съ перваго взгляда. Вотъ что объ этомъ говорятъ сами гг. Паульсонъ и Мессеръ (предисловіе стр. XII): «Система Шгольце замѣчательна тѣмъ, что, въ противоположность тенденціи къ универсальности (система Габельсбергера), она выражаетъ положительную тенденцію къ индивидуальности», т. е. что она — чисто нѣмецкая стенографическая система. На стр. XI: «Вездѣ въ многочисленныхъ практическихъ курсахъ и руководствахъ по универсальной системѣ Габельсбергера, которые изданы на французскомъ, английскомъ, итальянскомъ и мн. др. языкахъ, вездѣ однѣ и тѣ же буквы, въ одномъ и томъ же стереотипномъ значеніи, вездѣ тѣ же приемы и правила, такъ, что если вы умѣете читать нѣмецкое письмо Габельсбергера, то прочтете тотчасъ же французское и английское и итальянское, хотя бы вы и ни слова «не разумѣли».

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что фразы эти высказаны гг. Паульсономъ и Мессеромъ въ видѣ нареканія противъ системы Габельсбергера; мы же принимаемъ ихъ, какъ выраженіе правды, въ доказательство превосходства этой системы. Да разрѣшить сама читающая публика вопросъ объ означенномъ различномъ пониманіи однихъ и тѣхъ же фразъ. Развѣ это не удобство (если не великое достоинство), когда

всякій, изучившій русскую стенографію по *нашей системѣ*, будетъ въ состояніи, *тотчасъ же*, какъ сказано у нихъ, прочесть написанное стенографически по системѣ Габельсбергера на всѣхъ тѣхъ языкахъ, къ которымъ система эта уже примѣнена и которые онъ *понимаетъ*? Какъ ни выгодно для насъ увѣреніе гг. Паульсона и Мессера, мы однако, чтобъ быть вполне правдивыми, должны объявить, что не увлекаемся такъ далеко, какъ они, въ пользу габельсбергеровой системы: по нашему мнѣнію, основанному на знаніи предмета, *нетотчасъ же* будетъ возможно прочесть все написанное на другихъ языкахъ, но по изученіи лишь тѣхъ измѣненій, тѣхъ переложеній по отдѣламъ сокращенія словъ и сокращеній по смыслу рѣчи, которыя составляются сообразно духу и особенностямъ каждаго языка, согласно грамматическимъ и синтаксическимъ правиламъ его. Познакомившись съ этими стенографическими особенностями, *дійствительно* каждый, изучившій стенографію по нашей системѣ, въ состояніи будетъ прочесть стенографическое письмо по габельсбергеровой системѣ на слѣдующихъ языкахъ, если онъ ихъ понимаетъ: на нѣмецкомъ, французскомъ, английскомъ, итальянскомъ, венгерскомъ, греческомъ, польскомъ, чешскомъ, румійскомъ, ругенійскомъ, словацкомъ, вендскомъ, латышскомъ, шведскомъ, датскомъ, финскомъ, голандскомъ *).

Универсальность шрифта, т. е. изданіе однихъ письменныхъ знаковъ для всѣхъ языковъ — встрѣчается въ исполненіи много трудностей; но если возможность этого и причисляется иными къ несбыточнымъ мечтамъ, то,

во всякомъ случаѣ, нельзя оспаривать разумности въ самой идеѣ пачиграфіи, и всякій долженъ съзнаться, что если идея эта можетъ осуществиться, то и польза отъ приложенія оной къ дѣлу будетъ громадная. Развѣ мы не ощущаемъ уже ту великую пользу, которую приносятъ намъ одинаковыя, такъ называемыя, арабскіе знаки для цифръ, для чиселъ, противъ универсальности которыхъ никто не споритъ. Точно также, мы имѣемъ универсальную систему писанія музыкальныхъ нотъ. Если ужъ какой-либо стенографической системѣ суждено быть универсальною, то, конечно, преимущество это можетъ быть удѣломъ только системы Габельсбергера, именно потому, какъ говорятъ сами гг. Паульсонъ и Мессеръ, что она имѣетъ тенденцію къ универсальности. Сознаемся откровенно, что именно это обстоятельство и заставило насъ дать предпочтеніе этой системѣ относительно знаковъ шрифта, предъ всѣми другими.

Что же касается научныхъ началъ и техническихъ пріемовъ и правилъ, намъ достаточно убѣдиться въ существованіи тѣхъ трехъ основныхъ недостатковъ системы Шгольце, которые мы указали выше — именно: по вокализации, по уклоненію отъ письменной линіи, по множеству значковъ, чтобъ откаяться отъ помысленія даже примѣнить систему Шгольце къ русскому языку. Но, кромѣ того, самыя первоначальныя знаки шгольцевой азбуки до того неудобно придуманы, что не допускаютъ исполненія главнаго условія при скорописи: удобнаго соединенія знаковъ между собою. Это ясно для всякаго уже изъ того, что самъ Шгольце, чувствуя это капитальное, существенное неудобство, ахнешся въ необходимости надѣлать значитель

ное число первоначальных знаков своей азбуки (гг. Паульсонъ и Мессеръ въ пред. XIV говорить *большую часть* согласныхъ) двумя и тремя знаками, смотря по удобству соединенія ихъ съ другими буквами. Хотя гг. Паульсонъ и Мессеръ и говорятъ, что они избѣгли этого недостатка тѣмъ, что имѣютъ только по два знака для шести буквъ и не имѣютъ ни одного трехбуквеннаго знака, во каждому, изучающему ихъ руководство, нетрудно будетъ убѣдиться, что они ошибаются, такъ какъ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, въ глазахъ нашихъ столь существеннымъ, что удобство письма немислимо.

Что же касается, наконецъ, главнѣйшаго нареканія противъ системы Габельсбергера о сокращеніи по смыслу рѣчи, то мы спросимъ, каждаго послѣдователя Штольце, сказать по совѣсти, что значить безчисленное множество значковъ ихъ, и значковъ не только постоянныхъ, но и такъ называемыхъ специальныхъ, временныхъ, которые, какъ сказано въ руководствѣ, § 118, каждый стенографъ можетъ составить себѣ по мѣрѣ нужды?—не суть ли тѣ же сокращенія по смыслу рѣчи?

Одно изложеніе основаній, которыя руководили насъ при избраніи системы Габельсбергера, для примѣненія къ русскому языку, достаточно докажетъ публикѣ, какъ необходимо изученіе свѣдѣній, какъ по одной, такъ и по другой системѣ, чтобъ быть въ состояніи оцѣнить правильность дѣйствій, какъ нашихъ, такъ и гг. Паульсона и Мессера въ подобномъ избраніи системы.

При всемъ уваженіи нашемъ къ неизвѣстному намъ автору статьи въ «Сѣверной Почтѣ»,

мы не можемъ считать его достаточно приготовленнымъ къ рѣшенію этого вопроса, не только, собственно, для него самого, но, въ особенности, для поученія публики. Изъ всей статьи его, мы вывели положительное убѣжденіе, что ему не были доступны оригинальныя сочиненія о двухъ системахъ Штольце и Габельсбергера и что не только трудъ нашъ не удостоился серьезнаго вниманія, но и руководства гг. Паульсона и Мессера не разсмотрѣны имъ, г. критикомъ въ подробности. Вотъ доказательство:

Авторъ статьи «Сѣверной Почты» явно руководствовался однимъ сочиненіемъ гг. Паульсона и Мессера, высказывая мнѣніе свое о двухъ главныхъ системахъ Штольце и Габельсбергера. Отдавая полную справедливость труду этому, въ отношеніи филологическихъ изслѣдованій, въ отношенія разработки и изложенія теоретическихъ правилъ и указанія научныхъ началъ стенографіи, мы, однако, положительно можемъ завѣрять г. критика, что сочиненіе это не представляеть ему возможности изучить даже систему Штольце въ томъ совершенствѣ, какъ ее понимаютъ сами штольціанцы; еще менѣе могъ онъ почерпнуть вѣрныя и достаточно подробныя свѣдѣнія объ этой системѣ и о системѣ Габельсбергера изъ статей журнала «Учитель», которыя, при изложеніи означенныхъ двухъ системъ, имѣли въ виду не столько ознакомить публику съ достоинствами и недостатками одной системы, сколько вести полемику противъ одной системы Габельсбергера и приготовить публику, исподволь, къ мысли о превосходствѣ системы Штольца. Въ этой, указанной нами, тенденціи журнала «Учитель» легко удостовѣ-

рится простымъ чтеніемъ статей. Такимъ образомъ, въ раздѣлѣ о системѣ Габельсбергера (стр. 1804—1108, 1144—1149), при всѣхъ случаяхъ указывается на недостатки, которые такими кажутся автору статьи, доктору Рейману, и ни въ одномъ мѣстѣ не выставлено превосходства ея предъ системою Шгольца; когда же рѣчь идетъ объ этой послѣдней системѣ, то, при каждомъ удобномъ случаѣ, при всякомъ находимомъ авторомъ достоинствѣ ея, указывается на сравнительный недостатокъ системы Габельсбергера.

Если же мы ошибаемся, и г. критику были доступны оригинальныя сочиненія по обѣимъ системамъ, то онъ, вѣроятно, въ статьѣ своей не пожелалъ ими пользоваться. Въ противномъ случаѣ, онъ не довольствовался бы однѣми выписками изъ руководства гг. Паульсона и Мессера, и могъ бы привести, съ одной стороны, противъ габельсбергеровой системы, съ особою для предмета пользою, выписки изъ послѣдней брошюры доктора Франца Шгольце, брошюры, призванной единогласно въ Германіи сочиненіемъ, въ которомъ полемика достигла послѣднихъ своихъ размѣровъ; съ другой же стороны, въ сочиненіяхъ послѣдователей габельсбергеровой системы онъ нашелъ бы не только указаніе, но и доказательства явныхъ несовершенствъ, явныхъ недостатковъ системы Шгольца, доказательства даже положительной несостоятельности всей системы. Противъ тирады д-ра Краузе, помѣщенной въ руководствѣ гг. Паульсона и Мессера, и долженствующей служить неопровержимымъ авторитетомъ противъ габельсбергеровой системы, потому что г. Краузе послѣдователь этой системы, г. кри-

тикъ нашелъ бы много подобныхъ же выводовъ противъ системы Шгольце, въ сочиненіяхъ лицъ, считавшихся и нынѣ еще считающихся истыми шгольцианцами *).

Еще легче доказать намъ, что собственно вашъ трудъ г. критикъ не удостоитъ вовсе вниманія, что даже сочиненіе гг. Паульсона и Мессера не разсмотрѣно имъ въ подробности.

Прежде всего укажемъ на то, что авторъ статьи не погрудился удостовѣриться въ весьма простомъ, но, по нашему мнѣнію, самомъ существенномъ фактѣ въ каждомъ руководствѣ—именно, соотвѣтствуетъ ли на дѣлѣ исполненіе тѣмъ рациональнымъ правиламъ, которыя выставлены въ руководствѣ, т. е. соотвѣтствуетъ ли практическое приложеніе теоретическимъ началамъ и дѣйствительно ли начала эти проведены повсюду рационально и съ должною послѣдовательностью?

Г. критикъ вѣрнѣе на-слово всему, что сказано въ руководствѣ гг. Паульсона и

*) Такъ, напримѣръ, Якоби, Гюнтеръ и даже д-ръ Михаэлисъ, на котораго ссылаются сами гг. Паульсонъ и Мессеръ. Archiv für Ste-nographie. Этотъ послѣдній чистосердечно сознается, что система Шгольце недостаточна для начертанія быстрыхъ рѣчей и умоляетъ основателя системы (unsern Meister) облагодѣтельствовать ихъ еще *новымъ собраніемъ значковъ*; это побуждаетъ другихъ шгольцианцевъ воскликнуть, что чрезъ это система ихъ окончательно обратится въ условный шрифтъ однихъ словъ (Wortschrift) и утратитъ совершенно характеръ буквеннаго шрифта (Buchstaben-schrift).

Мессера, и цѣлкою выписываетъ ихъ фразы въ пользу ихъ системы и въ опроверженіе и нареканіе противъ системы Габельсбергера. Мы, съ своей стороны, не можемъ не порадоваться подобной вѣрѣ, которой достигнѣтъ каждый добросовѣстный трудъ, но желали бы только, чтобъ этотъ самый принципъ былъ примѣненъ и къ нашему труду. Конечно наша книга, для критическаго разбора различныхъ системъ и различныхъ примѣненій ихъ къ русскому языку, не представляетъ тѣхъ удобствъ, которыя можно найти въ руководствѣ гг. Паульсона и Мессера. Изъ нашей книги возможно убѣдиться въ достоинствахъ габельсбергеровой системы, въ удобствахъ, какъ и неудобствахъ примѣненія нашего означенной системы, но почерпнуть изъ нашей книги свѣдѣній о несовершенствѣ, о недостаткахъ системы Штольце—невозможно, по той простой причинѣ, что въ руководствѣ нашемъ не найдется ни одного *полемическаго слова*, собственнаго противъ системы Штольце. У гг. Паульсона и Мессера все почти предисловіе посвящено полемикѣ противъ Габельсбергера и старанію убѣдить и увѣрить своихъ читателей въ превосходствѣ системы Штольце предъ системою его. Мы, съ своей стороны, предлагали, что помѣщеніе полемики, въ руководствѣ для изученія стенографіи, не только бесполезно, но и неприлично. Рѣшеніе вопроса, кто изъ насъ въ этомъ отношеніи правъ и кто неправъ, представляемъ на судъ публики.

Какъ ни пріятно было бы для авторовъ, чтобъ критики вѣрили имъ на слово, очевидно, однако, что для безпристрастнаго служенія правдѣ необходима и собственная прѣвѣрка сказаннаго.

Въ отношеніи къ нашему труду, г. авторъ статьи «Сѣверной Почты» попытался было сдѣлать это; трудъ же гг. Паульсона и Мессера онъ не нашелъ нужнымъ провѣрить, и мы крайне о томъ сожалѣемъ, потому что мы на столько расчитываемъ на безпристрастіе его, что увѣрены въ томъ, что если бы онъ рассмотрѣлъ его, то не рѣшился бы написать статьи, подлежащей нашему опроверженію. Онъ убѣдился бы, что выставленныя въ сочиненіи гг. Паульсона и Мессера теоретическія правила и филологическія начала не всегда вполнѣ соответствуютъ практическимъ указаніямъ, что обѣщанія, заявленныя въ предисловіи, объ исправленіи системы первообраза, не получили полного исполненія въ текстѣ сочиненія, что примѣры, выставленные при парадигмахъ безчисленнаго множества сокращеній, въ приставкахъ и въ окончаніяхъ, не вездѣ пишутся сообразно этимъ парадигмамъ, что недостатки, по которымъ они полагаютъ нареканія на систему Габельсбергера, встрѣчаются и у нихъ и т. п. На все это мы имѣемъ цѣлую тетрадь замѣчавій, и здѣсь объясняемъ только, что всѣ эти недостатки мы не приписываемъ отсутствію тщательной разработки ихъ сочиненія, и, еще менѣе, отсутствію добросовѣстности въ трудѣ, но только

***) Недоступность эту въ отношеніи къ славянскимъ языкамъ, сознаетъ и самъ Штольце. Сознаніе это доступно, съ своей стороны, только лицамъ, посвященнымъ въ тайна его системы, потому что помѣщено не въ текстѣ его руководства, а въ таблицахъ, приложенныхъ къ нему, и написано стенографически, въ отдѣлѣ о специальныхъ знакахъ стр. 73.

тому главному и единственному обстоятельству, что они приняли въ основаніе систему Шгольце, недоступную въ полной ея цѣлости, примѣненію къ русскому языку**), и что, убѣдившись въ необходимости сдѣлать измѣненія въ этой системѣ, они лишили себя единства и послѣдовательности, существенныхъ основаній всякой системы.

Какъ доказательство, что г. авторъ статьи выписываетъ цѣликомъ фразы гг. Паульсона и Мессера, безъ провѣрки ихъ съ дѣйствительнымъ исполненіемъ въ самомъ сочиненіи, безъ критическаго даже разбора прѣма о смысла фразы, приведемъ только слѣдующее.

Разсматривая способы вокализациі, г. критикъ говорить, на основаніи словъ своего оригинала: «Въ настоящее время известны только три способа символическаго выраженія гласныхъ: 1) посредствомъ точекъ и краткихъ чертъ; 2) посредствомъ видоизмѣненія согласныхъ; и 3) посредствомъ различнаго положенія согласныхъ буквъ, относительно строкъ и ихъ утолщенія.» Засимъ обвиняется Габельсбергеръ въ томъ, что онъ принимаетъ то одинъ, то другой способъ, и тѣмъ лишаетъ свою вокализацию единства, и затрудняетъ ея изученіе; системѣ же Шгольце и системѣ гг. Паульсона и Мессера воздается восхваленіе, что они строго провели *одинъ третій* способъ.

Мы позволимъ себѣ попросить г. критика разобрать сперва критически смыслъ и значеніе этого третьяго способа; не согласится ли онъ съ нами, что въ этомъ третьемъ способѣ заключаются два совершенно отдѣльные способа, а именно: *различное по-*

ложеніе буквъ и утолщеніе ихъ ***). Гг. Паульсонъ и Мессеръ отчасти соглашаются съ нами въ этомъ, говоря, въ § 48, что способъ этотъ имѣетъ *два средства*: нажимъ и различное положеніе. Назвать ли эти два дѣйствія вокализациі *способами* или *средствами*, намъ кажется все равно; но гг. Паульсону и Мессеру, а за ними, г. критику, оно не все равно, потому что если призвать, какъ мы это признаемъ, четыре способа вокализациі, то вся аргументація ихъ о строгомъ проведеніи *одного* способа и о сохраненіи единства и послѣдовательности, лишается необходимаго основанія и правильности. Явно, что если уже допускаются два способа, отчего не допустить и третій и четвертый. Намъ кажется, что чѣмъ болѣе представляется способъ или средствъ, какъ угодно, для вокализациі, тѣмъ болѣе свободы дѣйствій, а при свободѣ дѣйствій, мыслящему стенографу всегда облегчается трудъ и предоставляется болѣе удобства для скорописи. Если же засимъ г. критикъ разсмотрѣлъ бы практическое примѣненіе гг. Паульсономъ и Мессеромъ восхваляемаго ими правила о единствѣ способа, то онъ убѣдился бы, что и тутъ практика не соответствуетъ теоріи. Такъ мы укажемъ ему, что въ руководствѣ употребляется и первый способъ посредствомъ *чертъ*, напримѣръ, въ словахъ: счастье, гладь (табл. V); третій способъ различнаго по-

***) Въ доказательство того, что не мы одни различаемъ эти два способа вокализациі, ссылаемся на журналъ «Учитель», гдѣ на стр. 1195, 1196 показываются, какъ два отдѣльные способа: 1) положеніе слова и 2) сильный нажимъ.

женія буквъ они разложили на два средства, означая вокализацию то различнымъ положеніемъ одной буквы (что въ сущности и соответствуетъ правилу), напримѣръ, въ словахъ: медикъ, Давидъ, воздухъ, лазурь (табл. XI), гдѣ гласныя «и» и «у» вкладываются въ *послѣдующія* согласныя поставленіемъ ихъ выше и ниже предъидущихъ согласныхъ, то различнымъ положеніемъ *цѣлаго слова*, т. е. способомъ, составляющимъ главное основаніе ихъ вокализациі, способомъ, который до того (какъ бы выразиться помягче, чтобы не обидѣть почтенныхъ противниковъ нашихъ) ирраціоналенъ и неудобенъ, что долженъ съ перваго взгляда поразить всякаго мыслящаго человѣка, не говоря уже объ ученомъ филологѣ. Такъ, напримѣръ, возьмите любое слово, составленное изъ нѣсколькихъ слоговъ, и вы убѣдитесь въ непригодности этого главнаго способа вокализациі. Укажемъ на слова: возненавидѣть и вознаграждать (табл. XXII) и попросимъ написать слова: вина и виноградъ—окажется, что слоги: «возне и возна» пишутся точно также надъ строкою, какъ и слоги: «вина и вино».

Такимъ-образомъ мы убѣждаемся изъ самаго руководства гг. Паульсона и Мессера, что они пользуются третьимъ способомъ, раздѣляя его на два средства, что одно изъ этихъ средствъ они подраздѣляютъ еще на два средства же, чтобы не называть ихъ способами, и наконецъ, что и первый способъ находитъ свое примѣненіе. Что же касается втораго способа, то дѣйствительно они его вовсе не употребляютъ, а почему не употребляютъ? то это мы можемъ, подъ секретомъ открыть г. критику. Послѣдователи системы

Штольце не употребляютъ этого способа и встаютъ противъ произвольнаго употребленія его габельсбергеріанцами изъ весьма естественнаго чувства самосохраненія и изъ защиты немощности своей системы, потому что *не могутъ воспользоваться этимъ способомъ* *). Видоизмѣняя букву, они представляли бы особый, отдѣльный знакъ азбуки своей. Такъ, напримѣръ, у насъ и у нихъ—имѣются одинаковые знаки для означенія буквъ: «м» и «в». Мы когда видоизмѣняемъ букву «м» увеличеніемъ оной, получаемъ звукъ: «ми» (рук. наше, стр. 11); у нихъ тоже видоизмѣненіе даетъ знакъ для звука: «сп» (рук. Паульс. и Месс., табл. I); у насъ видоизмѣненія знака буквы «в» даютъ звуки: «ви и во» (стр. 5, 10) у нихъ звуки: нѣмецкихъ «h, s, ph», русскихъ «ф и ч», (и ц)». Первое и самое естественное условіе при употребленіи разныхъ способовъ вокализациі состоитъ въ томъ, чтобы сама система была способна къ измѣненію, къ приложенію на дѣлѣ означенныхъ разныхъ средствъ. Обладаніе такимъ условіемъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ системы Габельсбергера, которая въ возможности видоизмѣненія буквъ для вокализациі представляетъ эластичность, свойственную ей одной. Подъ выраженіемъ «эластичность» (какъ бы оно ни ка-

*) Штольце находится въ отношеніи къ этому второму способу въ томъ же положеніи, въ которомъ находился Питманъ относительно способа *утолщенія* согласныхъ, какъ это весьма справедливо замѣтили гг. Паульсонъ и Мессеръ на стр. 23 своего руководства: ни тотъ, ни другой — не могли воспользоваться разными способами.

залось страннымъ въ знакахъ азбуки) мы раз-
умѣемъ измѣненія вида знаковъ для вокали-
заціи звуковъ, сохраняя въ то же время вполнѣ
основное значеніе — коренной звукъ буквы,
какъ видно изъ приведенныхъ нами примѣровъ:
в, ви, во; м, ми. Уже конечно, у насъ вполнѣ
соблюдается принципъ послѣдовательности и за-
тѣмъ къ другимъ видоизмѣненіямъ прилагается
принципъ аналогіи. Предоставляемъ всякому
судить, какая соблюдается послѣдовательность,
какая имѣется аналогія между вполнѣ одинако-
выми знаками, представляемыми лишь только
въ увеличенномъ размѣрѣ, съ незамѣтною ино-
гда разницею, въ одну или двѣ геометрическія
линіи — въ звукахъ по системамъ Штольце и
Паульсона и Мессера: в, ф, ч, ц, h, rh, с;—
м и сп?

Противъ нареканія, что «принятіемъ двухъ
способовъ вокализациі Габельсбергеръ внесъ
въ свою систему элементы того произвола, ко-
торый все болѣе проявляется въ письмѣ у
многочисленныхъ его учениковъ и постепенно
ведетъ все къ большому разногласію между
послѣдователями одной и той же школы» (Рук.,
стр. 24), смѣемъ замѣтить, что, по мнѣнію на-
шему, въ настоящемъ случаѣ, слово «произволь»
употреблено съ вѣкоторымъ увлеченіемъ.
Сколько мы понимаемъ значеніе слова «про-
изволь», то полагаемъ, что произвольнымъ
дѣйствиемъ можно считать только то дѣйствіе,
которое не подчиняется ни правиламъ, ни
установленной послѣдовательности; если же
указываются случаи, когда должно, и другіе
случаи, когда именно можно употребить то
одно, то другое средство, когда дозволяется,
въ виду удобства скорописи, замѣнить одно

средство другимъ, то думаемъ, что тутъ нѣтъ
произвола, а только свобода дѣйствій. Кстати
замѣтимъ, что Габельсбергеръ, открывая поле
свободы дѣйствій, рассчитываетъ на умствен-
ныя способности наши, а не на одну на-
шу память и техническую ловкость стено-
графа. Въ видѣ отличительной черты его си-
стемы отъ другихъ, мы должны сказать, что
онъ считаетъ всѣхъ своихъ послѣдователей
сознательными дѣятелями, а не одними ма-
шинами, и за это да будетъ ему честь.
На основаніи этого же принципа мы воз-
стаемъ противъ двухъ оригинальныхъ завѣ-
реній г. Паульсона и Мессера, пущенныхъ
ими въ свѣтъ въ руководствѣ ихъ: 1) что хо-
рошею стенографическою системою можетъ
называться только та, которая, между прочимъ,
*«доступна пониманію всякаго, мало-мальски
грамотнаго человека»* (Рук. стр. 2). При-
знаемся, что подобной мысли мы нигдѣ еще
въ печати не встрѣтили, и если она можетъ
быть примѣнима къ ихъ системѣ, то мы по-
ложительно отвергаемъ возможность примѣ-
ненія ея къ системѣ г. Габельсбергера. Онъ
требуетъ отъ своихъ послѣдователей, въ
особенности отъ лицъ, желающихъ быть пу-
бличными практическими стенографами, чтобы
они были умственно-развитые люди и вполнѣ
уже знакомые съ духомъ, особенностями
своего языка, а тѣмъ болѣе, съ грамматикою.
Засимъ, исходя послѣдовательно отъ этой мы-
сли, мы еще менѣе можемъ согласиться со вто-
рымъ мнѣніемъ ихъ, что *«стенографія знакомитъ съ
построеніемъ языка лучше всякой грамматики»* (Рук.
стр. 1). Какъ мы ни восторгаемся стенографи-
ею, ея пользою, ея необходимостью, однако,

сознаемся, что подобнаго результата мы никому из послѣдователей системы Габельсбергера обшщать не въ состояніи.

Въ выставленномъ здѣсь воззрѣніи на стенографію вообще, заключается причина различія разработки стенографическаго руководства какъ нами, такъ и гг. Паульсономъ и Мессеромъ. Они полагаютъ возможнымъ имѣть дѣло съ *мало-мальски грамотными* людьми, они желаютъ ознакомить ихъ *чрезъ стенографію* съ построениемъ русскаго языка *лучше всякой грамматики*, а потому и вносятъ въ свое руководство всѣ тѣ подробности, всѣ тѣ объясненія и разсужденія о построеніи языка, которыя заставляютъ г. критика «*Обверной Почты*» восликовать: «Гг. Паульсонъ и Мессеръ представляютъ *стройное* изложеніе стенографической системы въ связи съ представленіемъ *звуковаго строя русской рѣчи*; въ руководствѣ ихъ постоянно видно основательное филологическое *образованіе*, близкое знакомство съ законами *русской рѣчи*».

Что касается насъ, то мы не преслѣдовали дѣли знакомить, въ *стенографическомъ руководствѣ*, съ построеніемъ русскаго языка, съ законами русской рѣчи; еще менѣе претендуемъ мы на то, чтобъ изъ учебника нашего благосклонные къ намъ критики могли вывести заключеніе о нашемъ филологическомъ образованіи. Мы имѣли въ виду однихъ, лицъ, образованныхъ и, главное лицъ вполне знакомыхъ съ русскою рѣчью, съ особенностями нашего языка, съ его грамматическими и синтактическими правилами. Мы не считали себя призванными знакомить послѣдователей нашихъ съ этими правилами; напротивъ, мы не только предполагаемъ, но

требуемъ, согласно принципамъ Габельсбергера, чтобъ желающіе изучить нашу систему уже были вполне знакомы съ законами языка. Поэтому считаемъ долгомъ тутъ же заявить, что если *мало-мальски грамотные* люди желаютъ сами, безъ руководства учителя, изучить стенографію, то пусть обратятся къ системѣ гг. Паульсона и Мессера; наша же система доступна *только лицамъ образованнымъ, умственно развитымъ*. Что же касается обученія юношества, то ни одному изусту, ни одной наукѣ оно не выучится безъ учителя и руководителя, которому въ стенографіи придется указывать своимъ ученикамъ, по какимъ правиламъ грамматики дѣлаются сокращенія, помѣщенные у насъ во второмъ отдѣлѣ нашей книги. Сокращенія же по смыслу рѣчи (нашъ III отдѣлъ) недоступны ни дѣтямъ, ни юношамъ, невольнѣ еще знакомымъ съ духомъ, съ особенностями своего языка, съ его грамматическими и синтактическими правилами. То же самое должны мы сказать и о той части руководства гг. Паульсона и Мессера, въ которой они требуютъ немалое филологическое образованіе для мгновеннаго отысканія корней каждаго слова, для различія его *этимологическихъ* составныхъ частей, безъ чего правильная вокализация по ихъ системѣ невозможна (§ 42—46).

Чтобъ доказать, что г. критикъ не обратилъ вовсе вниманія на нашъ трудъ, позволимъ себѣ сдѣлать еще одно указаніе. Разсуждая о самой слабой, по его мнѣнію, сторонѣ габельсбергеровой системы, то-есть о сокращеніяхъ по смыслу рѣчи, онъ въ доказательство непрактичности, сбывчивости и

невозможности восстановления истиннаго смысла сокращеній приводить примѣръ изъ нашей князи: «Они, Цейбихъ и Торнау, конечно, на досугъ обдумывали свои примѣры, а между тѣмъ привели нѣсколько двусмысленныхъ и неясныхъ сокращеній, какъ, напримеръ: кавалерія перешла черезъ *p* (рѣку? ручей? ровъ?); правительство заказало для всѣхъ «своихъ стрѣлковъ новыя *p* (ремни? ранцы? ружья?)». Игакъ, г. критикъ полагаетъ, что можно прочесть въ двухъ примѣрахъ этихъ буквѣ «*p*» за рѣку, ровъ, ремни, ранцы? Просимъ извиненія. Нѣтъ, вы сами, г. критикъ, не прочтете этихъ словъ, если только потрудитесь еще одинъ разъ пробѣжать фразу, которая предшествуетъ нашимъ примѣрамъ и въ которой сказано (стр. 33): «въ слѣдующихъ примѣрахъ не представится сомнѣнiя въ прочтенiи буквы «*p*», поставленной подъ строкой для выраженiя слова *ру*». Игакъ, поелику здѣсь «выражается только слогъ *ру*», то прочтете непременно: ручей и ружья, а не прочтете ни рѣку, ни ровъ, ни ремни, ни ранцы.

Этотъ примѣръ наглядно доказываетъ, какъ легко можно критику впасть въ заблужденiе при невнимательномъ разсмотрѣнiи предмета и какъ легко ввести за собою и публику въ заблужденiе о достоинствѣ или небрежномъ составленiи разбираемаго труда.

Не касаясь въ статьѣ многаго, что требовало бы поясненiя, мы этимъ оканчиваемъ возраженiе наше по главнѣйшимъ предметамъ, смыслъ и значенiе которыхъ мы поняли; причемъ считаемъ долгомъ заявить, что не вполне выяснили, себѣ что хотѣли выразить г. критикъ,

говоря о нашихъ личностяхъ, «что рѣзкая разница въ разбираемыхъ имъ учебникахъ протекаетъ безъ сомнѣнiя и отъ личностей авторовъ».

Баронъ Н. Торнау.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16-го февраля 1865 г.